

Г. Распутин

Мои мысли и размышления

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Распутин**
Мои мысли и размышления: Часть 1 / Г. Распутин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 55 с.

ISBN 978-5-517-98024-3

Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам

ISBN 978-5-517-98024-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Что за время? Мы знаем
говорить о Боже
сколько в жизни
путей тернистых.

моими
и
розышлись
осветить места₂₁

Снимокъ съ подлинной надписи
Гр. Еф. Распутина на его рукописи
„Мои мысли и размышленія о свя-
тыхъ мѣстахъ“.

На море
временно
болѣзнь
на берегу
всегда
такъ волна
такъ на море
всѣмъ видна
болѣзнь на бере
гунькому
неизвестно
бѣсъ души смущаетъ

На морѣ временная болѣзнь, на берегу же всегда такая волна.
На морѣ всѣмъ видна болѣзнь, а на берегу никому неизвестна-
бѣсъ души смущаетъ.

Перепечатка факсимиле и портретовъ воспрещается. (Законъ 20 марта 1911 г.).

горе метущимся
и злымъ мнѣ
и солнцу не греетъ
авантюры
и скрутъ въ весна
не гнетъ шаятъ
гдѣ вочахъ нетъ
нетъ. Ябня всегда
грозой раскритичновъ

Отъ издателей.

Большинство изъ публки оставалось до сихъ поръ въ области догадокъ, предположеній и легендъ, передаваемыхъ изъ усть въ уста, относительно прославленнаго „старца“, которому, однако, всего 52 года и который отличается рѣдкой гибкостью и выносливостью, чисто юношескимъ экстазомъ и задоромъ. Въ предлагаемой читателямъ книжкѣ раскрывается одна изъ любопытнѣйшихъ страницъ его жизни и отношеній къ вопросамъ и предметамъ церковно-религіознаго характера и содержанія и въ этой области, какъ и вездѣ, Г. Е. Распутинъ оригиналенъ, своеобразенъ и примитивно простъ; это тѣ качества, которыя подчиняютъ и завоевываютъ симпатіи и въ личномъ обиходѣ, и въ сферѣ художественнаго творчества.

Въ „Мысляхъ и размышленіяхъ“ Распутина нѣтъ и длинныхъ повѣствованій съ анализомъ чувствъ переживаемыхъ каждымъ изъ насъ тамъ, гдѣ чуть не каждый камень освященъ легендой и одухотворенъ въ мечтахъ. Красота стиля Распутина заключается въ

выразительности и краткости, съ которой схватывается не столько предметъ или явленіе въ ихъ внѣшнихъ формахъ, сколько сущность и ихъ значеніе для нашего сердца.

Каждый изъ насъ знакомъ по крайней мѣрѣ съ двумя, тремя образцовыми сочиненіями извѣстныхъ авторовъ, путешествовавшихъ по Палестинѣ, куда ежегодно стекаются сотни тысячъ русскихъ паломниковъ-простецовъ по рожденію, подобно Распутину. Въ особенности многимъ знакома обширная художественная литература французовъ по описанію Палестины. И среди изысканной, иногда напыщенной, а чаще всего приторно-красочной литературы, „Мысли и размышленія“ Распутина стоятъ особнякомъ, совершенно самостоятельно и примѣчательны по своей оригинальности и тому характерному приему мышленія, который присущъ народу и понятенъ ему.

Возьмемъ вступленіе, первый этапъ путешествія: Кіево-Печерскую лавру и Кіевъ.

„Я прибылъ въ Святую Лавру изъ Питера, такъ начинается Распутинъ, и назову свѣтомъ Питеръ, но свѣтъ этотъ гонитель мыслей на суетный міръ, а въ Лаврѣ свѣтъ свѣтитъ тишины.

Когда опускаютъ Матерь Божію и пѣніе раздастся „Подъ Твою Милость прибѣгаемъ“, то замираетъ душа и отъ юности вспомнишь свою суету суетъ и пойдешь въ пещеры, и видишь простоту: нѣтъ ни золота, ни серебра, дышитъ одна тишина...

И помянешь свое излишество, которое гнететъ и гнетъ, и ведетъ въ скуку. Поневолѣ помянешь о суетѣ жизни.

Горе мятуцимся и нѣтъ конца“.

„Дивная Почаевская Лавра. Что меня удивило? Во-первыхъ, я увидѣлъ людей Божіихъ и возрадовался богомольцамъ очень, что нашелъ я истинныхъ поклонниковъ; тутъ явился страхъ въ душѣ и наука исканія Бога, какъ они собираютъ жемчугъ истинный; а потомъ увидѣлъ Матерь Божію и объялъ меня страхъ и трепеть и получилъ тишину и замѣтилъ въ себѣ кротость. Послѣ всякой Святыни прибавляется дорогой жемчугъ смиренія“.

Если вчитаться въ эти строчки, гдѣ все сведено къ одному религіозному порыву и восторгу передъ простотой и смиреніемъ гордыни, то со стороны живописной онѣ такъ же разнятся отъ вычурныхъ описаній нашихъ современниковъ, какъ пріемъ письма А. Иванова въ его картинѣ „Явленіе Христа“ отъ современнаго ему Брюллова, эффектной картинѣ,—„Помпея“.

У Иванова вдохновенная и незабываемая философія вѣчнаго, а у Брюллова—быстро исчезающая аффектація, исчерпанная въ отдельномъ эпизодѣ.

На пространствѣ небольшой книжки у Распутина все сведено къ одному, точно въ фокусѣ собирающемъ все его мышленія, началу:—къ началу кротости и смиренія. Въ немъ нѣтъ элемента непротивленія злу и опрощенія до конца, до безразличія, но горять яркимъ свѣтомъ начала примиренія и самоуглубленія, которое дѣлаетъ человѣка радостнымъ, не бѣгущимъ отъ жизни, а возвращающимъ его къ жизни. И даже въ мѣстахъ вышшаго лирическаго подъема, повѣствователь (къ Распутину невозможно примѣнить слово „авторъ“—ибо оно не гармонируетъ съ именемъ крестьянина изъ села Покровскаго)—повѣствователь остается на высотѣ изобразительности, которая такъ властно звучитъ въ русскомъ эпосѣ.

Вотъ, напр., „Описаніе моря“, какъ называетъ самъ путешественникъ свои строчки, посвященныя не столько пейзажу, сколько вліянію водной стихіи на умиротвореніе души и духа человѣческаго:

„Что могу сказать о своей тишинѣ? Какъ только отправился изъ Одессы по Черному морю—тишина на морѣ и душа съ моремъ ликуетъ и спитъ тишиной; видно блистаютъ маленькіе валочки, какъ златница и нечего болѣе искать. Вотъ примѣръ Божій: насколько душа у человѣка драгоценна, развѣ она не жемчужина? Что и море для нея?“

Безо всякаго усилія утѣшаетъ море. Когда утромъ встанешь и волны говорятъ, и плещутъ, и радуютъ. И солнце на морѣ блистаетъ, словно тихо—тихо поднимается и въ то время душа человѣка забываетъ все человѣчество и смотритъ на блескъ солнца. И радость у человѣка возгорается и въ душѣ ощущается книга жизни и премудрость жизни—неописуемая красота!“

Ханжество и притворство не присущи натурѣ Г. И. Распутина и не помышляющаго въ міру прославиться искусомъ „старчества“, понятіе о которомъ тѣсно связано съ традиціями и преданіями Оптиной пустыни. Отсутствие ханжества и кладетъ своеобразный отпечатокъ и на „Мысли и размышленія“. Въ нихъ нѣтъ тѣни затхлои церковной елейности, не найдете и шаблоннаго проповѣдничества: эти мысли умирительны, какъ глубокій простой вздохъ мірянина, вдругъ радостно убѣдившагося въ обоснованности вѣры своей и красотѣ пережитыхъ имъ чувствъ.

Вотъ примѣръ. Паломникъ останавливается съ особой радостью передъ кельею Θεодора Студита. Не келья и не праведникъ занимаютъ Распутина, а поучительность ихъ для текущей жизни.

„Она темная—описываетъ Распутинъ келью—и призывающая къ покаянію—дѣйствительно это подвижникъ Божій! Господь по грѣхамъ нашимъ дастъ жилище праведника на посмѣшище, но души праведника ничто не касается. *Всего лишитъ могутъ—и жилища, а души никогда.* Просить надо Бога, чтобы далъ терпѣніе, а потеря земного—это великій подвигъ. За потерю земного и награда бѣлая, чѣмъ если самъ подашь“. И тутъ же сѣшнѣтъ пояснить: „Самъ подашь—это отъ своей воли, а тутъ лишаютъ. Скорбишь—и царство Божіе скорбями наслѣдуешь“.

Однако, напрасно было бы думать, что въ изложеніи своихъ мыслей по поводу видѣннаго во Святой Землѣ область поученій Распутина обширна.

Съ чисто дѣтской наивностью и непосредственностью умиляясь, передъ привезенной изъ Рима въ Константинополь колонной, которую онъ именуетъ „чудомъ“, потому что въ ней „тысяча пудовъ“ и отмѣчая, что „горы Ливанскія располагаютъ къ благочестію“, а „долина Яффская до того необъятной красоты, что пусть у кого горе будетъ или потеря земного сокровища—я увѣренъ, что скорби, какъ дымъ вѣтромъ, пронесетъ отъ одного изобилія, которымъ Богъ свѣтитъ въ этихъ мѣстахъ“, Распутинъ неизмѣнно останавливается на элементѣ любви и благостности, которыя по его убѣжденію такъ необходимы людямъ.

*
*

Въ этомъ стремленіи отыскать вездѣ, во всемъ вызвать къ активности эту всечеловѣческую любовь, въ глубинѣ которой лежитъ спокойный отказъ отъ излишествъ—и заключается основное начало книжки. Пожалуй, въ наличіи этого

элемента любви и любвиности ко всемъ людямъ, кроется и самое обаяніе своеобразной личности русскаго мужика, которому судьбой дано возлестись на высоту не случайнаго, а длительного вниманія всего міра, если судить по количеству статей, брошюръ и книгъ, посвящаемыхъ даже Западомъ Распутину.

Безграмотной рукой написанныя строчки (подлинникъ рукописи Распутина воспроизводится у насъ въ факсимиле) *) дышуть вдохновеніемъ и той краткой ясностью, которая составляетъ отличительную особенность талантовыхъ простолюдиновъ, не обремененныхъ грузомъ знаній: Распутинъ отмѣчаетъ, съ присущимъ ему лаконизмомъ, что „у грековъ все епископы грамотные и благолѣіе соблюдаютъ и служатъ, но нищеты духа нѣтъ, а народъ только за нищетою духа толпой идетъ, потому что *благолѣіе высоко, а нищета духа еще выше*. Безъ нищеты епископъ заплачетъ, если креста не дадутъ, а если она есть въ немъ, то и худая ряса пріятна—и за худой рясою пойдетъ толпа“.

„А почему теперь уходятъ въ разныя исповѣданія?—задастъ себѣ вопросъ этотъ странствующій Простецъ, находясь вдали отъ родины, но весь съ помыслами о ней.—„Потому, что въ храмѣ духа нѣтъ, а буквы много—храмъ и пусть“.

Въ нищетѣ духа, значеніе которой красной нитью проходитъ черезъ всю книжку съ „Мыслями и размышленіями“ Распутина, послѣдній видитъ основу для вселенскаго объединенія человѣчества.

* *
* *
* *

Наряду съ впечатлѣніями чисто внѣшними, такъ сказать, описательными, наряду съ отраженіемъ религіознаго экстаза, въ „Мысляхъ и размышленіяхъ“, сверкаютъ блески философій и прозрѣніе того недалекаго времени, когда „сольются все народы въ семью одну“.

„Я вотъ убѣдился въ томъ, замѣчаетъ Распутинъ, что платье у турокъ такое же, какъ у христіанъ и у евреевъ. Можно ожидать исполненія слова Божьяго надъ людьми, что будетъ единая церковь, не взирая на кажущееся различіе одежды. Сначала уничтожатъ это различіе, а потомъ и на вѣру перейдетъ“.

*) „Горе мятушимся и злымъ — имъ и солнце не грѣетъ; алчныхъ и скучныхъ весна не утѣшаетъ; у нихъ въ очахъ нѣтъ дня—всегда ночь.“

Самая торжественная минута—появленіе у Гроба Господня, обычно въ описаніяхъ авторовъ, отнимающая цѣлыя страницы—Распутинимъ отражена въ нѣсколькихъ строчкахъ. Ихъ стоитъ привести цѣликомъ, для точнаго усвоенія, какъ основы міросозерцанія этого человѣка, такъ и для характеристики приемовъ его изложенія мыслей.

„Что реку о великой минутѣ, когда подходилъ ко гробу Христа! Такъ я чувствовалъ, что Гробъ — гробъ любви, и такое чувство въ себѣ имѣлъ, что всѣхъ готовъ обласкать и такая любовь къ людямъ, что всѣ люди кажутся святыми, потому что любовь не видитъ за людьми никакихъ недостатковъ. Тутъ у Гроба Господня видишь духовно сердцемъ всѣхъ людей, всѣхъ любящихъ и они чувствуютъ себя отрадно“.

* * *

„Мысли и размышленія“, принадлежащія перу Распутина, способны видоизмѣнить трафаретность сужденій по поводу этого человѣка, обладающаго тонкостью анализа и глубиной, а главное незаурядностью мысли даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ заурядности избѣжать трудно.

Вотъ почему мы нашли возможнымъ и нужнымъ познакомить нашихъ читателей съ необычнымъ и весьма оригинальнымъ явленіемъ нашихъ дней, а можетъ быть и цѣлаго вѣка, во всякомъ случаѣ, яркой и характерной особенностью его, которая будетъ служить обильной темой для будущихъ историковъ, психологовъ и изслѣдователей общественной жизни.